

**КОНСТРУИРОВАНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СМИ:
СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ⁵¹**
**MEDIA CONSTRUCTION OF INTERNATIONAL RELATIONS: SPECIFICS OF
REPRESENTATIONS**

Т. В. Дубровская¹), Е. А. Кожемякин²)
T. V. Dubrovskaya, Y. A. Kozhemyakin

Пензенский государственный университет, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 33
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Ключевые слова: межнациональные отношения, репрезентация, конструкция, медиа, социальный конструкционизм, критический дискурс-анализ.

Keywords: international relations, representation, construction, media, social constructionism, Critical Discourse Analysis.

Аннотация. Статья обращена к проблеме дискурсивного конструирования межнациональных отношений. Подходя к проблеме с позиций социального конструкционизма и критического дискурс-анализа, авторы утверждают, что межнациональные отношения представляют собой дискурсивный конструкт, причём для каждой институциональной сферы характерны свои способы дискурсивного конструирования. Авторы обобщают философский, социологический и лингвистический опыт изучения межнациональных отношений и масс-медиа, отмечают существующие пробелы, предлагают свою методику анализа медийных репрезентаций и применяют её на примере кейс-стади.

Summary. The paper discusses the issue of discursive construction of international relations. Using the framework that is informed by social constructionism and Critical Discourse Analysis, the authors claim that international relations can be viewed as a discursive construct, and every institutional sphere is a repository of its own specific ways of discursive construction. The authors consolidate philosophical, sociological and linguistic studies into international relations and media, indicate unexplored aspects, put forward their scheme for media analysis and apply it to a case study.

**1. Межнациональные отношения как предмет дискурсивных практик:
введение в проблему**

Межнациональные отношения как социальный феномен представляет особый интерес для представителей социальных и гуманитарных наук. Концептуализация этого феномена всегда предполагает своего рода «встраивание» предмета анализа в конвенциональную (принятую в определенном научном сообществе и в определенный период развития той или иной науки) теоретико-методологическую схему. Теоретическая концептуализация, в свою очередь, имеет следствием не только содержание научного знания об объекте, но и целый комплекс «прикладных» эффектов: от специфики общественного мнения и медийных образов до характера экспертизы международных отношений и принимаемых властных решений относительно предмета концептуализации. В зависимости от того, в какой парадигме интерпретируются межнациональные отношения, относительно них принимаются те или иные решения и применяются те или иные технологии.

Термин Т. Куна «парадигма» в этом понимании коррелирует с термином М. Фуко «дискурсивная формация» [Foucault, 1969]. Н.С. Автономова так трактует этот термин: «Она (дискурсивная формация – Т.Д., Е.К.) фиксирует общее поле объектов (не слова и не вещи), типы высказываний об объектах, способы материального воплощения высказываний (то, что позволяет им накапливаться, повторяться), основные стратегии их функционирования. Высказывание – элементарная единица дискурсивной формации, но не позитивно данный “факт”» [Автономова, [http](http://)].

Парадигма, дискурсивная формация реализуются в *дискурсивных практиках*, представляющих собой взаимосвязанные совокупности высказываний, и только

⁵¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №15-34-14001 «Политический, юридический и масс-медийный дискурс в аспекте конструирования межнациональных отношений Российской Федерации».

анализируя их, мы можем получить знание о характере парадигмы, содержании дискурсивной формации и, как следствие, условиях и специфике интерпретации конкретных социальных феноменов как в научных, так и институциональных текстах. М. Фуко дает следующее определение: «Дискурсивная практика — это совокупность анонимных, исторических, всегда детерминированных во времени и пространстве правил, которые в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического сектора, определили условия осуществления функции высказывания» [Фуко, 2004: 227-228].

Межнациональные отношения, как и любой другой социальный феномен, являются предметом дискурсивных практик — как научных, так и институциональных — и через них могут быть поняты, поскольку их суть, их «семантический капитал» есть результат сложных когнитивно-коммуникативных операций. В этом смысле, когда мы говорим о межнациональных отношениях, мы должны учитывать сверхъязыковые нормы, традиции и условия такого «говорения».

Итак, мы полагаем, что содержание и интерпретация понятий «нация» и «межнациональные отношения» существенным образом зависят от дискурсивных конвенций, норм и правил дискурса, характера институциональной коммуникативной среды, в которой индивиды реализуют определенный вид дискурсивной практики. В настоящей статье предметом рассмотрения становится специфика репрезентаций международных отношений в СМИ.

2. Нация как дискурсивный конструкт

Межнациональные отношения — специфичный предмет дискурса: он абстрактен, идеологически нагружен и обладает значительным количеством культурных, политических и юридических коннотаций. Вряд ли мы можем сказать о себе в повседневной жизни, что мы участвуем в межнациональных отношениях, но эта формулировка вполне применима к сообществам, частью которых мы себя мыслим.

Рассмотрение проблемы дискурсивного конструирования межнациональных отношений в СМИ целесообразно начать с обращения к понятию «нация», поскольку понимание этой категории ложится в основу наших дальнейших рассуждений. Понятие «нация» обладает особой семантической нагрузкой, подразумевающей его аксиологический и идеологический, а значит — относительный статус. По мнению Й. Остмана, «... нация может быть интерпретирована как “пустой знак”, значение которого в высшей степени неоднозначно, поскольку он включен в несколько противостоящих друг другу дискурсов. Пустые знаки «нация», «национальный интерес», «освобождение», «порядок», «революция» занимают особое место в политике <...>» [Ostman, 2007: 83].

Отечественные социологи нередко обращаются к определению нации, предложенному П.А. Сорокиным, который отмечает несколько факторов, определяющих факт существования нации: «...Нация является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организационной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства. Эта группа состоит из индивидов, которые: 1) являются гражданами одного государства; 2) имеют общий или похожий язык и общую совокупность культурных ценностей, происходящих из общей прошлой истории этих индивидов и их предшественников; 3) занимают общую территорию, на которой живут они или жили их предки» [Сорокин, 1990: 466]. Подобные подходы к определению нации и национальной идентичности обнаруживаем и в более современных исследованиях [н-р, Истомина, 2009].

Дискурсивные исследования в значительной мере опираются на социологические теории, и в них национальное государство, существующее в рамках географических границ, традиционно рассматривается как необходимое условие формирования нации и национальной идентичности [Barker, Galasinski, 2001; Cillia et al., 1999]. Подчеркивается также роль культурно-языкового фактора в формировании национального единства: «Язык — мощное общественное орудие, формирующее людской поток в этнос, образующий нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова, 2000: 15]. Важно, что язык выступает не только как средство передачи культуры, но и как средство формирования государственности.

Несмотря на материальное (объективное) существование отдельных условий формирования нации, представители социального конструкционизма и дискурс-аналитики, работающие в этом русле, утверждают, что нации – это, скорее, коммуникативный, нежели онтологический феномен: носители национальной идентичности не знают друг друга, однако чувствуют свою принадлежность к единому сообществу благодаря ряду факторов, включая одинаковые источники информации (СМИ), а также историю и коллективную память, охватывающую ряд важных для сообщества событий [Cillia et al., 1999: 154]. В этом контексте одной из наиболее влиятельных позиций является теория «воображаемого сообщества» Б. Андерсона, в которой демонстрируется виртуальный, воображаемый характер нации, существующей не столько «в жизни», сколько в сознании тех, кто причисляет себя к нации [Anderson, 1991]. Нация становится реальной лишь в определенных условиях взаимодействия между людьми, которым в некоторый момент становится важным презентовать свою национальную идентичность.

Авторы ряда работ утверждают, что нации представляют собой произвольные исторические вымыслы/ создания (*arbitrary historical inventions*) [Gellner, 1983. Цит. по Castells, 2009: 30], которые закрепляются на государственном уровне и затем распространяются посредством пропаганды. Принимая в качестве первичных факторов формирования нации языковые, территориальные, этнические, религиозные и историко-политические характеристики, Э. Хобсбом называет такие конструкты протонациональными и утверждает, что только при существовании государства нация начинает свое существование [Hobsbawm, 1992. Цит. по Castells, 2009: 30].

М. Кастельс оспаривает подобный подход к понятию нации. Утверждая, что на современном этапе развития общества нация существует и развивается независимо от государства, М. Кастельс приводит примеры, когда результатом всплеска национализма был как развал многонациональных государств, так и создание новых многонациональных конструктов, своего рода квази-государств, таких как Европейский Союз или Содружество Независимых Государств [Castells, 2009: 34-35].

Если обсуждение СНГ в контексте существования единой нации представляется достаточно затруднительным, то понятие *Europeanness* («европейскость») уже нашло свое место и прочно закрепилось в исследованиях национальной идентичности [Stråth, Triandafyllidou, 2003; Stråth, 2000; Triandafyllidou et al., 2009]. Европа как политический актор толкуется в этих исследованиях в русле социального конструкционизма: «“Европа” как таковая не имеет сути; это дискурсивный конструкт и продукт/результат многих накладывающихся друг на друга дискурсов» [Stråth, Wodak, 2009: 15]. Как дискурсивный конструкт, динамичный и изменяющийся, национальная и европейская идентичность обсуждается и в других работах [McEntee-Atalianis, Zappettini, 2014; Дубровская, 2015].

Далее в работе, обсуждая дискурсивное конструирование межнациональных отношений, мы связываем понятие нации с государственностью, поскольку именно межнациональные отношения, закрепленные на государственном уровне, являются объектом нашего исследования.

3. Методологические подходы к репрезентациям и конструкциям

Проблема *репрезентации* традиционно вызывает пристальное внимание представителей различных социальных и гуманитарных наук – от философии до лингвистики. В самом общем виде все трактовки этого термина можно объединить в две большие группы. *Позитивистский подход* исходит из возможности точного воспроизведения в сознании и речи основных специфицирующих свойств объекта и трактует репрезентацию как когнитивное отображение действительности, как форму «данности» предмета сознанию [Descartes, 1996; Popper, 1982; Schlik, 1979; Russell, 1923 и др.]. *Семиотико-конструктивистский подход* определяет репрезентацию как семиотический аналог объекта, причем, с точки зрения семиологов и конструктивистов, связь между аналогом и объектом устанавливается конвенционально в социокультурном сообществе [Peirce, 1955; Eco, et al. 1988; Hall, 2003 и др.].

Обычно позитивистская трактовка репрезентации противопоставляется семиотико-конструктивистской позиции именно по критерию связи «знак – реальность». С точки зрения позитивизма, в дискурсивной практике индивиды вербально отражают объективные факты. Критерием истинности знания в данном

случае выступает соответствие вербальных высказываний факту. Дискурс может быть истинным или ложным; с помощью дискурса коммуниканты могут транслировать объективные факты, вводить друг друга в заблуждение или заблуждаться. С этой позиции, дискурс о межнациональных отношениях предполагает осведомленность о них коммуникантов, а значит, последние могут либо вербализировать свое знание о межнациональных отношениях в рамках определенного дискурса, либо сознательно или неосознанно манипулировать мнением других.

Если для позитивистов критерием знака является обозначаемый им предмет, то для авторов, тяготеющих к семиотической и конструктивистской традиции, критерием знака является его действие, а не то, что он «на самом деле» выражает. Так, С. Холл связывает проблему репрезентации с культурологической и социальной проблематикой, обосновывая конституирующий характер репрезентаций: культурный и социальный мир «конфигурируется» так, как он «изображен», а не в соответствии с присущими ему «внутренними» законами [Hall, 2003]. В наиболее акцентированной форме идеи семиологов представлены в социальном конструкционизме, где репрезентация понимается как продукт конструкции, как способ «производства знания».

В данной статье под репрезентацией мы будем понимать один из результатов, продуктов конструирования, т.е. когнитивно-коммуникативного процесса познания как социальной практики. Подчеркнем, что конструирование понимается в эпистемологическом ключе, т.е. не как производство чего-либо материального или нематериального в соответствии с замыслом, а как процесс «построения познаваемого мира – предметной онтологии – посредством различных языковых средств» [Лекторский, 2008: 34]. Репрезентации – это высказывания, но не любое высказывание является репрезентирующим. В качестве базового возьмем определение репрезентации, предложенное С. Холлом: «Репрезентация как процесс производства значений и обмена между носителями культуры включает в себя использование языка, знаков и образов, которые символизируют или репрезентируют вещи» [Hall, 2003: 156, цит. по: Сахно, 2011]. Особенностью репрезентации как результата конструирования является то, что она как высказывание: а) передает информацию о внешней реальности как существующей до высказывания, б) не сводима к предмету высказывания и в) является конвенциональной, т.е. является следствием «общественного договора» или социокультурного кода. Утверждая это, мы исходим из распространенной конструктивистской идеи о том, что любая вербализация факта предполагает надделение его несвойственными ему «от природы» характеристиками, а также что знание о предмете есть результат коммуникации о нем [Gergen, 2005: 16].

Эти положения отнюдь не означают, что реальность не существует и межнациональные отношения – всего лишь иллюзия. Сложно отрицать реальность, к примеру, процессов миграции и международного терроризма. Однако конструктивистский подход специфичен не отрицанием реальности, а утверждением деятельного отношения к ней: знать нечто о межнациональных отношениях как реальном феномене значит мочь предъявить, «смоделировать» их. Как утверждает Т. ван Лёвен, «антропологи и социологи всегда понимали, что репрезентация в конечном счете базируется на практике, на том, что люди делают. Утверждение доминанты практики проходит красной нитью через работы европейских и американских социологов» [van Leeuwen, 2008: 4]. В свою очередь любое предъявление, репрезентация межнациональных отношений будет строиться на избирательном подходе к фактам, селекция которых регулируется коммуникативным кодом, разделяемом определенным сообществом – в нашем случае, массмедийным.

4. Массмедиа и конструирование реальности

С точки зрения социального конструкционизма, масс-медиа производят особый тип реальности – массмедийную реальность, которая является не отражённой в масс-медиа объективной действительностью, а самостоятельной реальностью, относительно автономной по отношению к «объективному миру» и сформированной в соответствии с кодом, разделяемым внутри профессиональной среды. В наиболее полном виде эта точка зрения изложена Н. Луманом в известной работе «Реальность массмедиа» [Луман, 2012]. Н. Луман обосновывает положение, что масс-медиа используют особые критерии селекции информации о «реальной реальности» с целью создания «массмедийной реальности». На основе присущего системе масс-медиа кода

коммуникаторы производят различие между информацией и не-информацией, новостью и не-новостью. В результате происходит экспансия медийного кода в социальном мире, и мы начинаем применять массмедийные стандарты познания во всех сферах жизни. Так, результаты научных исследований тоже зачастую оцениваются с точки зрения их «новостного потенциала», «сенсационности» и «актуальности», а степень обеспокоенности людей заболеваниями зависит от того, насколько широко они представлены в медийной реальности.

С. Хилгартнер и Ч.Л. Боск в работе, посвящённой конструированию социальных проблем, в том числе средствами массовой коммуникации [Хилгартнер, Боск, 2000] объясняют конструирующий характер СМИ их «пропускной способностью». Авторы указывают на роль «публичных арен» (социальные пространства, в которых происходит коллективное определение и переопределение социально значимых вопросов) в определении, обсуждении, драматизации, оформлении и отборе социальных проблем. Масс-медиа являются одой из главных «публичных арен». При этом авторы указывают на «пропускную способность» как одну из ключевых черт публичных арен, которая характеризуется возможностями масс-медиа в ограниченный период времени обсуждать некоторое количество проблем.

Следствием такого положения дел является то, что медиатизированные и активно ротируемые в масс-медиа вопросы приобретают особую актуальность для других социальных институтов – например, для политиков, юристов и учёных [Кожемякин, 2008]. Как следствие, большой отклик в масс-медиа получают те сюжеты, которые уже встречались на других «публичных аренах» – в юридической системе, кинематографе, науке, а меньший отклик, соответственно, – уникальные, неповторяющиеся сюжеты. Так, Ж.-П. Пажес обосновывает тезис о том, что общественное мнение формируется не столько на основе совокупности индивидуальных предпочтений, выборов и решений относительно содержания массмедийного дискурса, сколько как результат общественных дискуссий, в которых реализуется взаимодействие между масс-медиа и аудиторией, различными масс-медиа и различными группами аудитории [Пажес, 1991].

Датский исследователь С. Хьярвард обосновывает институциональную роль масс-медиа, которую они выполняют как на микро-, так и на макросоциальном уровнях. На микроуровне масс-медиа конституируют элементарные коммуникативные действия индивидов, а на макроуровне выступают в качестве интерфейса во взаимодействии внутри и между социальными институтами. С. Хьярвард пишет: «Медиа конституируют пространство общего опыта, т.е. непрерывно демонстрируют и интерпретируют «порядок вещей» и тем самым влияют на развитие чувства идентичности и общности» [Hjarvard, 2008: 125-126]. Медиа выступают в качестве посредника между социальными агентами, арены для публичных дискуссий, а также «интерпретативной рамки» (термин С. Хьярварда) для социальной картины мира, не просто репрезентируя социально значимые события, но делая социально значимыми те события, которые репрезентированы в -медиа [Кожемякин, 2013].

Итак, согласно социальному конструкционизму, массмедийный дискурс о межнациональных отношениях не просто воспроизводит политический или юридический дискурс о них, но трансформирует предмет дискурсивной практики в соответствии с правилами собственного, массмедийного кода.

Модель анализа медийных репрезентаций, предлагаемая в данной статье для проведения кейс-стади, включает несколько шагов:

- 1) анализ репрезентации хронотопа представляемого в СМИ события, определение места хронотопа в структуре статей и языковых способов его выражения;
- 2) анализ заголовков публикаций с точки зрения их функциональной ценности;
- 3) определение категории актора репрезентируемых событий и выделение основных типов акторов;
- 4) выявление дискурсивных способов конфигурации акторов, их объединения в группы и разведения по разным группам;
- 5) выделение в материале отдельных частных характеристик медийных репрезентаций, отмеченных ранее другими исследователями.

5. Межнациональные отношения в дискурсе СМИ: обзор литературы

К способам дискурсивного конструирования межнациональных отношений и репрезентациям как продукту конструирования неоднократно обращались как западные, так и отечественные дискурс-аналитики. Можно сказать, что данное направление

исследований имеет свою нишу в рамках критического дискурс-анализа (КДА). В то же время, как нам представляется, некоторые вопросы конструирования межнациональных отношений рассматриваются односторонне. Обобщив исследования по данной проблематике, мы выделим основные разработанные направления, а также отметим тематические и методологические пробелы, которые мы намереваемся заполнить в ходе реализации проекта.

Пожалуй, подавляющее количество работ о дискурсивном конструировании межнациональных отношений посвящено анализу миграционных процессов и образа мигранта в СМИ. Р. Водак, работы которой стали классическими, обозначает сформировавшееся направление как «исследовательская парадигма дискурса расизма и предрассудков» [Wodak, 2003: 108]. Интерес самой Р. Водак концентрируется вокруг положения меньшинств в Австрии и развития в СМИ определенных тем, касающихся мигрантов. В числе этих тем культурные и умственные отличия, отклонения, угроза, криминальность и ущерб социо-экономическим интересам принимающей страны [Wodak, 2003: 114]. Р. Водак анализирует также стратегии развития этих тем и отмечает, что конструируемые имиджи «другого» одновременно являются и отражением имиджа самого себя, поиском собственной коллективной идентичности.

В число классиков дискурсивного анализа межнациональных отношений, безусловно, входит Т.А. ван Дейк. В его работах выделим несколько принципиальных положений. Обсуждая взаимосвязь между дискурсом и социальной властью, учёный выделяет в качестве признака бесправия национальных меньшинств отсутствие у них доступа к производству дискурса [van Dijk, 1996: 92]. Т.А. ван Дейк отмечает также существование длительной социокультурной традиции отрицательных образов «Другого», которые преобладают и в современных дискурсах [van Dijk, 2001: 361]. Учёный выделяет ряд стратегий обработки информации, применяемых СМИ и приводящих к созданию отрицательного образа этнических меньшинств, в частности мигрантов [van Dijk, 1984: 26-33]. «Поразительное сходство стереотипов, предрассудков и других форм вербального уничижения», выявленное в исследованиях СМИ на предмет конструирования этнического и расового неравенства и отмеченное Т.А. ван Дейком [van Dijk, 2001: 361], подтверждается и в других публикациях зарубежных и отечественных исследователей [Blommaert, Vershueren, 2002; Horvat, Vershueren, Žagar, 2001; Catalano, Waugh, 2013; Lirola, 2014; Викулова, Серебрянникова, 2014; Вьюжанина, 2014; Гришина, 2010; Скребцова, 2007; Шерман, 2014 и др.]. Авторы многих из перечисленных работ не скрывают, что опираются на конструктивистский подход к анализу СМИ, а также на методологию Т.А. ван Дейка.

Суммируя вышесказанное, отметим, что основным объектом анализа в существующих исследованиях являются репрезентации абстрактной (или конкретной) фигуры мигранта и отношение обычных граждан к этой фигуре и процессам иммиграции, принимающее стереотипные формы. Однако за рамками данного анализа остаются репрезентации собственно межнациональных отношений, которые и являются объектом нашего рассмотрения.

Отметим, однако, что репрезентации межгосударственных отношений могут рассматриваться безотносительно к процессам миграции, в аспекте конструирования в СМИ образов разных стран как политических или внешнеполитических акторов. В зависимости от идеологических установок и меняющегося социо-политического ландшафта, СМИ конструируют образы стран-врагов, стран-партнеров, стран-друзей и т.д. Так, дискурсивные способы конструирования групп «мы» и «они», состоящих из государств, а также диахронические изменения этих групп в контексте развития проекта о размещении американской системы противоракетной обороны (ПРО) на территории Польши в 2008-2009 гг. представлены в [Sowińska, Dubrovskaya, 2012a]. В другой работе эти же авторы выделяют стратегии конструирования России, Польши и США как политических акторов в российской и польской прессе [Sowińska, Dubrovskaya, 2012b]. Выделяемые стратегии позволяют проследить изменения межгосударственных отношений между основными участниками ситуации вокруг ПРО на разных этапах ее развития.

Опираясь на понимание дискурса как феномена, конституирующего социальную действительность, Р. Эдвардс анализирует, как на страницах британских газет происходит конструирование образа Китая как страны, вызывающей страх и зависть

[Edwards, 2013]. Р. Эдвардс утверждает, что эмоции, на которых «играют» создатели, в равной степени устраивают и потребителей текстов.

Отечественные исследования дискурса СМИ о межнациональных отношениях сконцентрированы главным образом на восприятии образа России за рубежом и репрезентациях России в зарубежных СМИ. Результаты анализа этого образа изложены как в статьях отдельных авторов [Федосеева, 2014; Кожевникова, 2011; Кондакова, 2011; Ключко, 2010; Козлов, 2014], так и в тематических сборниках [Образ России..., 2010]. Ряд авторов методологически основывается на теории социального конструкционизма, ссылаясь на труды Б. Андерсона, М. Биллига и др. Выводы исследователей не только указывают на типично негативный характер конструирования России в зарубежных СМИ, но и устанавливают взаимосвязи между таким способом конструирования и задачей создания и воспроизводства собственной национальной идентичности [н-р, Козлов, 2012: 55].

Таким образом, вопрос конструирования национальных отношений в СМИ рассматривается главным образом в контексте проблемы миграции, а также с точки зрения создания медийных образов стран-государств. Перенесение акцента с бытовых стереотипов и репрезентаций на дискурсивные способы репрезентации межгосударственных отношений позволит открыть новые функциональные и формальные особенности медийных конструкций.

6. Кейс-стади: «А мы не считаем, что Россия плохая»

Для рассмотрения дискурсивных способов конструирования межнациональных отношений в качестве примеров мы выбрали четыре текста, репрезентирующие одну и ту же прагматическую ситуацию, а именно выступление министра иностранных дел С.В. Лаврова в Братиславе на праздновании 70-летия освобождения Словакии 4 апреля 2015г. Два текста представляют дискурсивные практики внешнеполитической деятельности. Первый из них – это собственно речь министра иностранных дел на торжественном мероприятии; второй – небольшое интервью, ответы С.В. Лаврова на вопросы СМИ. Источником данного речевого материала является официальный сайт МИД РФ (www.mid.ru). Два других текста являются реализацией медийных практик и ретрансляцией указанного мероприятия в качественной прессе: газетах «Известия» от 04.04.2015 и «Российская газета» от 05.04.2015 (далее «РГ»). В качестве источников были использованы электронные версии изданий (www.izvestia.ru, www.rg.ru).

Отметим, что внешнеполитический дискурс будет предметом отдельной дискуссии в наших дальнейших исследованиях. В контексте данного кейс-стади речь министра интересует нас не столько как элемент дипломатической практики, представляющий самостоятельный способ конструирования межнациональных отношений, сколько как речевое событие, репрезентируемое и трансформируемое в дискурсивных практиках другого типа, а именно в практиках масс-медиа.

Т.А. ван Дейк отмечает значительный потенциал речевых событий для дискурсивных трансформаций: «Дискурсы, которые являются новостными событиями, перерабатываются в основном таким же образом, который был описан нами для новостных событий в целом. Они оцениваются, обзреваяются, интерпретируются и делаются запоминающимися подобно любым другим действиям. И всё-таки дискурсивное измерение имеет важные последствия для процесса обработки» [van Dijk, 1988: 115]. Исследователь видит функцию журналиста гораздо шире, чем просто запись и дословное представление (в оригинале – *transcribing*) новостных дискурсов. Он пишет о представлении закодированной версии события, которая включает «мнения, отношения, точки зрения и другую информацию о модели говорящего (*автора новостного дискурса – Т.Д., Е.К.*), а также конкретные смыслы, иерархические конструкции (темы, схемы) и стилистические и риторические формы» [van Dijk, 1988: 115].

Именно такие закодированные версии речевого события, выступления С.В. Лаврова, представлены на страницах прессы. Помещенное в журналистскую рамку, событие интерпретируется, а вопрос межнациональных отношений рассматривается в ином ракурсе по сравнению с собственно дипломатической практикой.

Сюжетно-событийный характер журналистских материалов о социальных феноменах предполагает определенную тематизацию и нарративизацию фактического

материала. В связи с этим представляется целесообразным начать анализ медийного дискурса с формы представления в нём **хронотопа события**. Хронотоп события в его репрезентации на сайте МИД изложен в заглавии к речи министра, и в нём указаны точные дата и место события, а также его ключевой «персонаж»:

(1) *Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на торжественной церемонии возложения венков к мемориалу советским воинам на холме Славин, Братислава, 4 апреля 2015 года. (Выступление С.В. Лаврова 04.04.2015)*

В медийных текстах хронотоп репрезентируемого события не заложен в заголовках публикаций, поскольку заголовки текстов имеют иную прагматическую ориентацию: не информирование о факте, а оценочную интерпретацию. Так, заголовок в «Известиях» имеет форму цитаты, автор которой становится известен только из текста статьи, и реализует эмоциональную тональность текста:

(2) *«Братья-россияне, спасибо, что освободили» (Известия 04.04.2015)*

Хронотоп события становится известен из первого абзаца текста, но и здесь смысловой акцент сделан на эмоциональной характеристике «гостеприимно», которая образует рему высказывания. Газетный текст не только сообщает факты, но и помещает их в эмоциональную рамку, предопределяя характер восприятия конструируемых в тексте межнациональных отношений:

(3) *Министра иностранных дел России Сергея Лаврова в Братиславе 4 апреля встречали более чем гостеприимно. Глава внешнеполитического ведомства прибыл в словацкую столицу на торжественное возложение венков в честь 70-летия освобождения Словакии от фашистов, происходящее в «Славине» — мемориальном комплексе советским воинам, павшим при освобождении республики. (Известия 04.04.2015)*

«РГ» строит заголовок публикации таким образом, что само событие вынесено в пресуппозицию и на её основе строится асертивное высказывание о взаимоотношениях внутри ЕС:

(4) *Визит Лаврова в Словакию показал раскол общественного мнения в ЕС. (РГ 05.04.2015)*

Таким образом, в обоих случаях утверждение о факте не является основной целью газетных заголовков. Очевиден интерпретативный подход, который последовательно осуществляется и далее в текстах статей.

Распространенная в медийных сообществах формула «что – где – когда», в соответствии с которой структурируется журналистский текст, означает акцентирование внимания журналистов на **категории актора** как инициатора и исполнителя социального события. В дипломатической и медийной репрезентациях события уже сам состав акторов, вовлеченных в новостное событие и через него в конструирование межнациональных отношений, различен. В первом случае круг участников события достаточно чётко ограничен и включает самого выступающего, с одной стороны, и адресатов выступления, обозначенных в выступлении, с другой стороны:

(5) *Дорогие ветераны,*

Уважаемый Председатель Национального Совета,

Уважаемый Председатель Правительства,

Уважаемые господа министры,

Дамы и господа, друзья,

Для меня большая честь присутствовать на этой церемонии. (Выступление С.В. Лаврова 04.04.2015)

Несколько иной подход к репрезентации акторов межнациональных отношений осуществляется в газетном тексте. В составе **акторов межнациональных отношений** можно выделить две **основные группы**: 1) непосредственные участники репрезентируемого события; 2) участники более широкого исторического и современного контекста, в который помещается репрезентируемое событие. Рассмотрим первую группу акторов. Помимо официальных лиц, участвующих в церемонии возложения венков, в качестве акторов события представлены другие категории людей:

(6) *В Братиславе впервые за последнюю неделю выглянуло солнце, и сильный ветер развевал словацкие, российские и даже новороссийские флаги, которые держали люди, собравшиеся на Славине. Среди них были просто граждане с георгиевскими*

ленточками на груди. ветераны. члены компартии Словакии. живущие в Братиславе сирийцы. (РГ 05.04.2015)

Применяя теорию социальных акторов Т. ван Лёвена и предложенную им классификацию способов репрезентации социальных акторов [van Leeuwen, 2003], заметим, что все подчеркнутые выше обозначения акторов реализуют категоризацию (categorisation) в том или ином её виде. Обозначение «люди, собравшиеся на Славине» включает все другие перечисленные в высказывании категории и реализует функционализацию, которая «возникает, когда на социальных акторов ссылаются, характеризуя их с точки зрения деятельности, с точки зрения того, что они делают» [van Leeuwen, 2003: 54]. В основе категоризации других акторов и обозначений, им соответствующих, лежит целый ряд разнородных признаков: приверженность идее о решающем вкладе советских войск в Победу, символически выраженная ношением георгиевской ленты; личное участие в празднуемых исторических событиях (*ветераны*); участие в политическом объединении (*члены компартии*); принадлежность к этнической группе (*сирийцы*). В «Известиях» в отдельную группу выделены *словацкие активисты*, основным видом деятельности которых является в контексте репрезентируемого события выражение поддержки в адрес России:

(7) *На плакатах словацких активистов было написано: «Мы за мир», «Братья россияне, спасибо вам за освобождение», «Братья славяне!» (Известия 04.04.2015)*

Круг участников, репрезентируемых в медийном дискурсе, расширяется не только за счет коллективных акторов, групп, но и за счет введения отдельных, частных акторов. Этот способ репрезентации социальных акторов Т. ван Лёвен противопоставляет категоризации и называет номинацией (nomination) [van Leeuwen, 2003: 52-53]. Номинация реализуется посредством называния, наименования актора. В анализируемых текстах номинация актуализируется посредством приема, который можно условно обозначить как «ближний план». Сначала упоминается некий коллективный актор, а затем в его составе выбираются один или несколько конкретных лиц, слова которых представляются как показательные, выражающие мнение большинства. При этом принадлежность к социальной группе маркируется эксплицитно:

(8) — *Мы подготовили эту акцию, потому что мы хотим поприветствовать и поблагодарить русских военных за то, что погибли здесь за мир в Словакии. Мы благодарим Россию за этот мир, — рассказал «Известиям» один из организаторов акции Мирослав.* (Известия 04.04.2015);

Если говорить о функциональной ценности номинации, то она делает мнение, принадлежащее конкретному лицу, более «осязаемым», более приближенным к читателю и вызывающим его доверие.

Вторая группа акторов, как мы отметили выше, связана с более широким историческим и современным контекстом, в который помещается репрезентируемое событие. Отметим, что ссылки на акторов исторических событий, упоминаемых в контексте события, мотивированы соответствующими ссылками в оригинальном дискурсивном событии. Отмеченные в речи С.В. Лаврова исторические акторы, репрезентируются в виде прямой цитаты из речи российского министра:

(9) — *Хочу от всего сердца поздравить словаков с праздником освобождения, - сказал российский министр, выступая перед собравшимися. — 70 лет назад победа стала возможна благодаря совместным действиям Красной армии, словацкой бригады и партизан. 1-го чехословацкого армейского корпуса.* (РГ 05.04.2015)

Другой разряд участников межнациональных отношений принадлежит широкому контексту современности и включает как акторов самого высокого уровня абстракции, т.е. государства и международные организации, так и более частных коллективных акторов, таких как отдельные политические силы. Закономерно фигурирование в качестве основных акторов межнациональных отношений России и Словакии, поскольку сама прагматическая ситуация связана со взаимодействием между этими двумя государствами. Однако в медийных текстах российско-словацкие отношения помещаются в более широкий контекст неоднозначных и сложных мировых межнациональных отношений, и в числе акторов мы обнаруживаем Украину, Новороссию/ юго-восток Украины, Крым, народ Донбасса, бандеровцев, НАТО, американские войска, Запад, ЕС, Организацию Объединённых Наций. Дискурсивное конструирование российско-словацких отношений происходит с привлечением иных сил, непосредственно не задействованных в репрезентируемых событиях. Их роль становится ясна в результате

анализа того, как акторы дискурсивно ассоциируются и диссоциируются (в терминологии Т. ван Лёвена) в текстах публикаций. Сводная классификация акторов межнациональных отношений предложена в таблице 1.

Таблица 1

Социальные факторы межнациональных отношений в медийном дискурсе

Непосредственные участники дискурсивного события		Участники межнациональных отношений в более широком социальном контексте		
Коллективные акторы (диффузные группы)	Индивидуальные акторы («ближний план»)	Акторы исторических событий (источник: внешне-политический дискурс)	Современные акторы	
			Высокий уровень абстракции	Коллективные акторы (диффузные группы)
<i>люди, собравшиеся на Славине; просто граждане с георгиевскими ленточками на груди; ветераны; члены компартии Словакии; живущие в Братиславе сирийцы; словацкие активисты; организаторы акции; группа словаков с украинскими флагами и др.</i>	<i>Министр иностранных дел России Сергей Лавров; премьер министр Словакии Роберт Фицо; президент Словакии Андрей Киска; один из организаторов акции Мирослав; Элен, архитектор и дизайнер; пожилая женщина и др.</i>	<i>Красная армия; словацкая бригада партизан; 1-ый чехословацкий армейский корпус; нацисты; советские войска.</i>	<i>-Государства Россия; Словакия; Украина. - Международные организации ЕС; НАТО; ООН.</i>	<i>Народ Донбасса; Новороссия; бандеровцы; Крым; Запад; американские войска.</i>

Помимо собственно состава участников межнациональных отношений, который в медиа охватывает гораздо больше категорий акторов, чем предполагает само репрезентируемое событие, интерес представляют дискурсивные способы **конфигурации этих социальных акторов**. Для анализа способов конфигурации может быть применён Membership Categorization Analysis (MCA), предложенный в работах Х. Сэкса и использованный в других исследованиях [Sacks, 1992; Leudar et al., 2004]. В данной статье мы будем опираться на методику, разработанную в рамках CDA и MCA для анализа медийных репрезентаций [Sowińska, Dubrovskaya, 2012a]. Данная методика включает два аспекта: 1) выявление прагмалингвистических средств, объединяющих социальных акторов в группу и конструирующих внутригрупповые отношения; 2) выявление прагмалингвистических средств, конструирующих внешние отношения данной группы с другими социальными акторами (группами).

Медийный способ дискурсивного конструирования группы, включающей Россию и Словакию, полностью отражает прагматические задачи речи российского министра иностранных дел, нацеленной на поддержание партнерства России со Словакией. Дискурсивное конструирование принадлежности актантов к единой группе последовательно реализуется в медийном дискурсе несколькими способами. Согласно схеме, предложенной в [Sowińska, Dubrovskaya, 2012a], прагмалингвистические средства конструирования группы охватывают:

1. **лексику с семантикой единения**, включая глаголы, глагольные сочетания, существительные, номинативные группы, прилагательные, предлоги. «Эти единицы выполняют предикативную функцию и не только приписывают определенные виды деятельности членам группы, но и служат маркерами оценки» [Sowińska, Dubrovskaya, 2012a: 453]. Лексика с семантикой единения представлена главным образом в цитируемых авторами

публикаций высказываниях непосредственных акторов события, в первую очередь – российского министра:

(10) – *Хочу от всего сердца поздравить словаков с праздником освобождения, - сказал российский министр, выступая перед собравшимися. – 70 лет назад победа стала возможна благодаря совместным действиям Красной армии, словацкой бригады и партизан, 1-го чехословацкого армейского корпуса. (РГ 05.04.2015);*

(11) *Как отметил Сергей Лавров, Словакия – наш давний партнер, и хотя отношения России и ЕС переживают не лучший период, мы чувствуем возможность дальнейшего развития контактов. (РГ 05.04.2015)*

Цитируются также высказывания со значением единения, принадлежащие другой стороне межнациональных отношений:

(12) *Зато стоило появиться Лаврову – толпа замахала российскими и словацкими флагами под крики: «Ура!», «Россия!», «Мы вместе!». (РГ 05.04.2015);*

2. **синтаксические конструкции**, сигнализирующие об объединении акторов в группы. Самым простым типом такой конструкции является «и-конструкция», как в следующем примере, где она дополняется предлогом *у*, общим для обеих номинаций акторов. «РГ» цитирует С.В. Лаврова:

(13) *Сегодня и России и Словакии есть единая оценка тех событий и убежденность, что мы должны хранить память о них, не допуская искажения исторической правды. (РГ 05.04.2015)*

Другие варианты конструирования группы включают синтаксическую конструкцию «мы за...». В данном случае интересно включение в дискурсивный контекст российско-словацких отношений третьего актора, представителей Сирии, которые также становятся частью группы:

(14) *«Мы за Асада, мы за Россию, мы за мир», – заявил один из них, Мустафа, размахивая флагами навстречу подъезжающему кортежу Сергея Лаврова. (РГ 05.04.2015);*

3. **лексика со значением положительных эмоций** для выражения чувств, испытываемых одним актором по отношению к другому актору. Такая лексика и реализуемая через неё стратегия эмоционализации очень популярны в газетных текстах. Как отмечает Т.А. ван Дейк, «факты получают лучшую репрезентацию и лучше запоминаются, если они связаны с сильными эмоциями или вызывают таковые» [van Dijk, 1988: 85]. В выступлениях С.В. Лаврова ссылки на эмоции встречаются неоднократно, дискурсивно конструируя иррациональную сторону межнациональных отношений (*для меня большая честь, мне очень приятно, меня переполняет чувство гордости, у меня очень оптимистичный взгляд*).

В то время как дискурсивное конструирование межнациональных отношений в СМИ осуществляется теми же прагматическими средствами, существует ряд и отличительных особенностей этих конструкций. Прежде всего, это направление вектора конструирования. Во внешнеполитическом дискурсе Россия – и ее представитель, министр иностранных дел – представлена как основной актор, активно формирующий свою группу. Такой подход предопределен спецификой внешнеполитической сферы, в которой Россия претендует на роль ведущей, а не ведомой, державы. Активная роль актора предполагает фокусирование на своей позиции.

В медийном дискурсе представлена иная перспектива: не менее активным актором межнациональных отношений и формирования группы представлена словацкая сторона, а ключевым средством конструирования группы являются указания на положительные эмоции и отношение со стороны словаков к России. Цитируются слова официальных лиц, в частности премьер министра Словакии Р. Фицо (15), простых граждан-активистов, надписи с приветственных плакатов (16):

(15) – *Это проявление моего глубокого уважения и выражение благодарности тем, кто пожертвовал своими жизнями ради спасения жизней наших родителей, нас и наших детей. (Известия 04.04.2015);*

(16) *«Братья россияне, спасибо вам за освобождение» (Известия 04.04.2015)*

Положительные эмоции акторов лежат также в основе ряда журналистских суждений о межнациональных отношениях:

(17) *При этом к России у многих осталось хорошее отношение, и представить Москву в роли агрессора они просто не в состоянии. (РГ 05.04.2015)*

Конфигурация акторов в медийных репрезентациях выстроена несколько иначе, чем в политическом дискурсе, прежде всего за счет отмеченного ранее включения акторов, принадлежащих к другим группам. Поскольку группы «мы» и «они» являются

взаимосвязанными категориями, указание на **непринадлежность к группе «других»** может рассматриваться как средство конструирования внутригрупповой принадлежности.

(18) А мы не считаем, что Россия плохая. (РГ 05.04.2015)

Другой пример:

(19) Активист также прокомментировал ситуацию на Украине и объяснил значение плаката с объединенными флагами Словакии и Новороссии.

– Нам очень не нравится всё, что происходит на Украине, и мы хотим оказать им поддержку. Флаг Словакии и Новороссии символизирует то, что братский словацкий народ с народом Донбасса. У власти на Украине сейчас находятся бандеровцы, это необходимо прекратить. (Известия 04.04.2015)

Указание на солидарность с Новороссией и неприятие украинских властей не только вводит двух других акторов в контекст российско-словацких отношений, но и способствует формированию групп, в одной из которых оказываются Россия, Словакия и Новороссия, в другой – Украина. Безусловно, для такой интерпретации высказывания необходимо понимание общеполитического контекста, некие базовые знания о неприятии Россией на государственном уровне действий украинских властей в юго-восточных областях Украины. Implication (подразумеваемое) выделено Т. ван Дейком как категория анализа дискурса. Учёный пишет: «Конечно, большая часть дискурса остаётся имплицитной, такая имплицитная информация может быть выведена получателями (реципиентами) из общих знаний или отношений, и таким образом она конструируется как часть их ментальных моделей того события или действия, которое репрезентируется в дискурсе» [van Dijk, 2006: 737].

Другим характерным для СМИ приемом, связанным с репрезентацией групп «мы» и «они», является **озвучивание в тексте мнений и убеждений обеих противоборствующих сторон**. По этому поводу Т.А. ван Дейк замечает: «Правдоподобие событий увеличивается в том случае, когда приводятся мнения, обусловленные разными позициями и идеологиями, но в целом предпочтение как первичным источникам будет отдаваться тем, кто идеологически близок» [van Dijk, 1988: 85]. Именно к такому приему прибегает «РГ», отмечая участие в репрезентируемом событии наряду с про-российскими активистами группы, поддерживающей Украину. В то же время цитируемое высказывание про-украинской группы поддержки ограничено по объему и напрямую не связано с межнациональными отношениями России:

(20) – Мы хотим демократии, - пояснила цель митинга один из организаторов, Элен, архитектор и дизайнер. Участники акции, по ее словам, договорились о митинге через Facebook <...> – Мы хотим, чтобы Украине дали возможность вступить в ЕС. Пусть она попробует это сделать <...> (РГ 05.04.2015)

Для широких обобщений, касающихся специфики конструкций в медийном типе дискурса, необходимо изучение достаточного объема речевого материала. Однако уже на примерах, рассмотренных в рамках данной статьи, можно отметить ряд особенностей медийных репрезентаций. Подведём предварительные итоги:

1) Медийная репрезентация межнациональных отношений помещает событие в более широкий социальный контекст за счет расширения круга вовлеченных социальных акторов. Важно отметить, что акторы медийной репрезентации относятся к категориям разного уровня абстракции и степени коллективности. В их числе как отдельные авторитетные лица, представляющие государства на международной арене, так и коллективные акторы, включая диффузные группы, которые, несмотря на «размытый» состав, национальную неопределенность и отсутствие четких критериев конструирования группы, оказываются участниками межнациональных отношений. Кроме того, акторами межнациональных отношений в медийных репрезентациях являются частные лица, которых можно обозначить как «некто из народа». Портретирование таких акторов спускает репрезентацию межнациональных отношений с собственно государственного уровня на уровень бытовой, уровень наивного восприятия и толкования, который в большей степени соответствует ожиданиям и запросам читательской аудитории;

2) В конструировании межнациональных отношений в СМИ выделяются два взаимосвязанных процесса: дискурсивное конструирование внутригрупповых отношений и дискурсивное конструирование межгрупповых отношений. Для репрезентации внутригрупповых отношений характерны указания на взаимность отношений в группе, что нетипично для внешнеполитического дискурса, где в большей степени подчеркивается активная позиция актора-говорящего в формировании своей группы. Межгрупповые отношения (между Россией и ее противниками), изначально не заложенные в характере

репрезентируемой ситуации, также дискурсивно конструируются в текстах. Ситуация, во внешнеполитическом дискурсе представленная как лишенная какого-либо конфликтного потенциала, обнаруживает такой потенциал в медийных репрезентациях;

3) С точки зрения языка, репрезентации межнациональных отношений построены посредством ряда прагматических (стратегии, тактики) и конкретных языковых средств. Особенно ярко в медийных текстах проявляется стратегия эмоционализации, задействующая арсенал лексики со значением эмоций. Эмоции-предикаты, характеризующие акторов, выражают иррациональное начало в межнациональных отношениях и фигурируют как в цитатах акторов, так и в собственно журналистской речи.

7. Заключение

Репрезентация межнациональных отношений в масс-медиа основана не столько на отражении реальных фактов, имеющих отношение к освещаемому событию, сколько на конструировании социальной значимости события за счет привлечения широкого спектра средств, разделяемых внутри профессионального масс-медийного сообщества. Репрезентируя реальность, масс-медиа формируют дискурс в соответствии с уже существующими в данном идеологическом пространстве репрезентациями, с одной стороны, и предлагают свои репрезентации иным общественным институтам («публичным аренам») в качестве предмета ожидаемых дискуссий, с другой стороны. В этой связи перспективным представляется изучение характера и степени взаимовлияния различных типов дискурса в контексте конструирования межнациональных отношений. Изучение трансляции и интерпретации политического и юридического типов дискурса в дискурсе масс-медиа, а также влияния масс-медийного дискурса на общественную повестку и содержание дискурсов политической и правовой сфер необходимо для представления многосторонней обобщающей картины дискурсивного конструирования межнациональных отношений в обществе. Однако решение столь глобальной задачи предполагает получение полного и непротиворечивого знания о характерных чертах репрезентации в юридическом и политическом дискурсах. Выявление этих черт образует следующий этап представленного исследования.

Литература

1. Автономова, Н.С. Археология знания. – Режим доступа: <http://iph.ras.ru/elib/0284.html>
2. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры и способы конструирования социальной реальности в медийном дискурсе (предметная область иммиграция) // Вестник НВГУ. – 2014. – №4. С. 10-16.
3. Вьюжанина Е.А. Образ мигранта из Таджикистана в российских масс-медиа // Дневник АШПИ. – 2014. – №30. – С. 165-169.
4. Гришина А.В. Особенности трансляции образа трудовых мигрантов в зарубежных и российских СМИ // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2010. – №8/3. – С.35-39.
5. Дубровская Т.В. 'I was the first Westerner, the only English person': дискурсивное конструирование национальной идентичности // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». – 2015. – №2. – С. 25-40.
6. Истомина О.Б. Этничность как коммуникативный ресурс // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №14. – С. 93–97.
7. Ключко Н.Н. Русское «чужое» в латышских СМИ // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 76-78.
8. Кожевникова О.В. Образ современной России в англоязычных СМИ // Современная политическая лингвистика: тезисы Международной научной конференции. (Екатеринбург, 29.06 – 6.10.2011) / гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011. – С.132-134.
9. Кожемякин Е.А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. – Белгород: Белгородский государственный университет, 2008. – 244 с.
10. Кожемякин Е.А. Массмедиа и обратная связь: точка зрения социального конструкционизма // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 20. – № 27 (170). – С. 93-101.
11. Козлов С.В. Место России в украинском медийном дискурсе // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Том 11, выпуск 11: Журналистика. – С. 48-57.
12. Козлов С.В. «Россия – это медведь, объятия которого всегда опасны»: конструирование России в украинских региональных медиа // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2014. – Т.13, вып. 6: Журналистика. С. 33-41.
13. Кондакова Ю.В. «Медведь» глазами «Марианны». Концепт «RUSSIE = L'OURS» во французской политической прессе // Современная политическая лингвистика: тезисы Международной научной

- конференции. (Екатеринбург, 29.06 – 6.10.2011) / гл. ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2011. – С.134-137.
14. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания / под ред. В.А. Лекторского. – М.: ИФРАН, 2008.
 15. Луман Н. Реальность массмедиа. – М.: Канон+, 2012.
 16. Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: Материалы Международной научной конференции. Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 238 с.
 17. Пажес Ж.-П. Конфликт и общественное мнение // Социологические исследования. – 1991. - №1. – С.107-115.
 18. Сахно И.М. «Другая» репрезентация // Артикульт. – 2011. - №4. – Режим доступа: <http://articult.rsuhr.ru/article.html?id=2445282>
 19. Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. – 2007. – №3(23). – С. 115-118.
 20. Сорокин П.А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский. М., 1990.
 21. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
 22. Федосеева Е.В. Типы репрезентации действительности в медиадискурсе (на материале статей о России в британских и американских СМИ) // Вестник ИГЛУ. – 2014. - №2. – С.310-316.
 23. Фуко М. Археология знания. – СПб.: Гуманитарный проект, 2004.
 24. Хилгартнер С., Боск Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен. Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: Хрестоматия. Перевод с английского: И. Г. Ясавеев. Казань: Издательство Казанского университета, 2000. // [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. – 2008.12.01. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2008/2704>
 25. Шерман Е.М. Образ «чужого»: портрет мигрантов в СМИ и архетипы коллективного бессознательного // Дневник АШПИ. – 2014. - №30. – С. 41-45.
 26. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, N.Y.: Verso, 1991.
 27. Barker C., Galasinski D. *Cultural Studies and Discourse Analysis. A Dialogue on Language and Identity*. – London: Sage, 2001.
 28. Blommaert J., Verschueren J. *Debating Diversity: Analysing the Discourse of Tolerance*. London, NY: Routledge, 2002. – 233p.
 29. Castells M. *The Power of Identity: The Information Age: Economy, Society, and Culture. Volume II*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2009. – 585 p.
 30. Catalano T., Waugh L.R. The Ideologies Behind Newspaper Crime Reports of Latinos and Wall Street/CEOs: a Critical Analysis of Metonymy in Text and Image // *Critical Discourse Studies*. – 2013. – Vol.10, No.4. – Pp.406-426. DOI: 10.1080/17405904.2013.813774
 31. Cillia R. de, Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities // *Discourse and Society*. – 1999. – No.12:2. – P.149-173.
 32. Decartes R. *Meditations on First Philosophy* / translated by John Cottingham. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
 33. Eco U., Santambrogio M., Violi P. *Meaning and mental representations*. Bloomington: Indiana University Press, 1988.
 34. Edwards R. The Role of Fear and Envy in the Discursive Construction of the Beijing Olympics in British Broadsheets // *Critical Discourse Studies*. – 2013. – Vol. 10, No. 3. – Pp. 275-297. DOI: 10.1080/17405904.2013.789974
 35. Foucault M. *L'Archeologie du Savoir*. Paris: Gallimard, 1969.
 36. Gergen K. Knowledge as Socially Constructed. In: *Social construction: A reader* / ed. by Kenneth Gergen. L.: Sage, 2005.
 37. Hall S. The Work of Representation. In: *Representation: Cultural Representations and Signifying Practices* / ed. by S. Hall. L.: Sage, 2003.
 38. Hjarvard S. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. – 2008. – No. 29: 2. - Pp. 105-134.
 39. Horvat M.D., Verschueren J., Žagar I.Ž. The Rhetoric of Refugee Policies in Slovenia: The Pragmatics of Legitimation. Ljubljana: Mirovni Inštitut, 2001. – 43 p.
 40. Leudar I., Marsland V. and Nekvapil J. On membership categorization: 'Us', 'them' and 'Doing Violence' in Political Discourse // *Discourse & Society*. 2004. – 15(2-3). Pp. 243-266.
 41. Lirola M.M. Approaching the Representation of Sub-Saharan Immigrants in a Sample from the Spanish Press // *Critical Discourse Studies*. – 2014. – Vol.11, No. 4. Pp. 482-499.
 42. McEntee-Atalianis L., Zappettini F. Networked identities: Changing representations of Europeaness // *Critical Discourse Studies*. – 2014. - Vol. 11, No. 4. Pp. 397-415. <http://dx.doi.org/10.1080/17405904.2014.934385>
 43. Ostman J. Border Journalism and the Articulation of National Horizons. In: *Ideological horizons in media and citizen discourses: Theoretical and methodological approaches* / ed. by Birgitta Hoijer. Gothenburg: Nordicom. 2007.

44. Peirce C.S. *Philosophical writings*. Sel. and ed. with an introduction of J.Buchler. N.Y.: Dover Publications, 1955.
45. Popper K. *The Open Universe: An argument for indeterminism*. Cambridge: University Press, 1982.
46. Russell B. Vagueness. *Australasian Journal of Philosophy*. – 1923. – Vol.1 (2). – Pp. 84 – 92.
47. Sacks H. *Lectures on Conversation*. Oxford: Blackwell Publishing, 1992.
48. Schlik M. Ideality of Space, Introjection and the Psycho-Physical Problem. In: Moritz Schlik. *Philosophical papers*. Volume I (1909-1922). Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1979. Pp. 190-207.
49. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Construction and Transformation of ‘Us’ and ‘Them’ Categories in the Newspaper Coverage on the US Anti-Ballistic Missile System: Polish versus Russian View // *Discourse & Communication*. – 2012a. – 6(4). – Pp. 449–468.
50. Sowińska A., Dubrovskaya T. Discursive Strategies in the Media Construction of Poland, Russia and the USA in the Context of the Debate on the US Anti-Ballistic Missile Defense Shield in Polish and Russian Quality Papers. In: Skrzypczak W., Fojt T. and Waciewicz S. (eds.) *Exploring Language through Contrast*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012b. Pp. 268–287.
- a. Stråth B. (ed.) *Europe and the Other and Europe as the Other*. Brussels: PIE-Peter Lang, 2000.
51. Stråth B., Triandafyllidou A. (eds). *Representations of Europe and the Nation in Current and Prospective Member States: Media, Elites and Civil Society*. Brussels: the European Commission (Forward Studies Unit), chapter 1. 2003.
52. Stråth B., Wodak R. Europe – Discourse – Politics – Media – History: Constructing ‘Crises’? In Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 15-33.
53. Triandafyllidou A., Wodak R., Krzyzanowski M. (eds.) *The European Public Sphere and the Media: Europe in Crisis*. Palgrave Macmillan, 2009. – 286 p.
54. Van Dijk T.A. *Critical Discourse Analysis* // Deborah Schiffrin, Deborah Tannen, & Heidi E. Hamilton (Eds.) *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford: Blackwell, 2001. Pp. 352-371.
55. Van Dijk T.A. *Discourse, power and access* // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard (Eds.) London: Routledge, 2003. Pp. 84-104.
56. Van Dijk T.A. *News as Discourse*. Hove and London: Lawrence Erlbaum, 1988.
57. Van Dijk T.A. *Politics, Ideology, and Discourse* // *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Amsterdam: Elsevier, 2006. Pp. 728-740.
58. Van Dijk T.A. *Prejudice in Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 1984. – 173 p.
59. Van Leeuwen T. *Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis*. N.Y.: Oxford University Press, 2008.
60. Van Leeuwen T. *The Representation of Social Actors*. In: *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard (Eds.) London: Routledge, 2003. Pp. 32-70.
61. Wodak R. *The Genesis of Racist Discourse in Austria since 1989* // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Carmen Rosa Caldas-Coulthard and Malcolm Coulthard (Eds.) London: Routledge, 2003. Pp. 107-128.